

Научная статья
УДК 343.711

КРАЖА ИЛИ НАХОДКА: ГДЕ ПРОХОДИТ ЛИНИЯ ВОДОРАЗДЕЛА?

Дмитрий Сергеевич Чукин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии,
Саратов, Россия, dchukin@yandex.ru

Аннотация. Проблема разграничения кражи (ст. 158 УК РФ) и присвоения найденной вещи является одной из наиболее сложных в современной уголовно-правовой доктрине. Практика применения уголовного закона сегодня пошла по репрессивному пути, и следственно-судебные органы критически оценивают все подобные факты без учета совокупности объективных и субъективных признаков, что является применением закона по аналогии. Резюмируется, что в том виде, в котором данная уголовно-правовая норма существует в уголовном законе, ее субстанционные признаки не позволяют отграничить преступное деяние от непроступного, что является нарушением принципа справедливости. Кроме того, присвоение найденного и тайное хищение отличаются по степени общественной опасности содеянного. В целях устранения правовой неопределенности предлагается корректировка действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: кража, хищение, находка, правоприменение, уголовная ответственность, изъятие, завладение, право собственности, имущество, присвоение найденного, потерянная вещь, оставленная вещь, принцип справедливости, правовая неопределенность

Для цитирования: Чукин Д. С. Кража или находка: где проходит линия водораздела? // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3(12). С. 112–121. URL: [http://svkinio.ru/2023/3\(12\)/Chukin.pdf](http://svkinio.ru/2023/3(12)/Chukin.pdf).

Original article

THEFT OR DISCOVERY: WHERE IS THE WATERSHED LINE?

Dmitry S. Chukin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia,
dchukin@yandex.ru

Abstract. The problem of distinguishing between theft (Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the appropriation of the found thing is one of the most difficult in modern criminal law doctrine. The practice of applying the criminal law today has taken a repressive path, and the judicial and investigative authorities critically assesses all such facts without taking into account the totality of objective and subjective signs, which, in our opinion, is the application of the law by analogy. It is summarized that in the form in which this criminal law norm exists in the criminal law, its substantive features do not allow to distinguish a criminal act from an uncriminal act, which is a violation of the principle of justice. In addition, the appropriation of the found and the secret theft differ in the degree of public danger of the deed. In order to eliminate legal uncertainty, it is proposed to adjust the current criminal legislation.

Keywords: theft, embezzlement, discovery, law enforcement, criminal liability, seizure, possession, ownership, property, appropriation of found, lost thing, abandoned thing, principle of justice, legal uncertainty

For citation: Chukin D. S. Theft or Discovery: Where is the Watershed Line? *Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2023;(3):112-121. Available from: [http://svkinio.ru/2023/3\(12\)/Chukin.pdf](http://svkinio.ru/2023/3(12)/Chukin.pdf). (In Russ.).

© Чукин Д. С., 2023

Ведь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вам пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете.

И. С. Тургенев. «Дым».

Собственность – это кража.

П-Ж. Прудон.

Институт частной собственности выступает одним из фундаментальных цементирующих оснований общества и государства, является базисом экономического развития и делает возможным международные торговые отношения как основу мирного сосуществования государств. Право собственности относится к неотчуждаемым естественным правам, нашедшим свое выражение сначала в религиозных текстах всех конфессий, а затем в законодательных установлениях, конституциях государств и международных конвенциях, а неприкосновенность собственности является неотъемлемым атрибутом правового государства.

Наряду с этим преступления против собственности занимают лидирующие позиции среди всего массива уголовно наказуемых деяний как в мире, так и в нашей стране. По официальной статистике МВД России, из 1966,8 тыс. преступлений, зарегистрированных в 2022 году, больше половины (54,6 %) составляют хищения чужого имущества, из которых на первом месте стоят кражи (697,6 тыс.) [1]. Первое полугодие 2023 года характеризуется сохранением этой тенденции.

«Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли золотым, – потому, что жившие тогда люди не знали двух слов: твое и мое. В те благословенные времена все было общее» – так благодушествовал М. Сервантес устами Дон Кихота. Но сатира сатирой, а жизнь есть жизнь.

Императив «не укради» восходит к ветхозаветным временам, что делает кражу одним из самых древних преступлений, побудительные причины которого кроются в самой природе человека, ведь не случайно корыстолюбие является одним из семи смертных грехов. На востоке ворами отсекали руки, а конокрадство во многих странах каралось смертной казнью. Несмот-

ря на такие достаточно жесткие меры, всегда находились люди, желающие поживиться чужим добром. Безусловно, кража по степени своей общественной опасности стоит ниже других посягательств на собственность, таких как грабеж, разбой или вымогательство, однако характер общественной опасности деяния здесь уверенно теснит ее степень.

Дефинитивно, кража (ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) является тайной формой хищения чужого имущества и отвечает всем его признакам, указанным в аннотации к данной статье, которые достаточно детально исследованы в отечественном уголовном праве. Правовой статус находки регулируется ст. 227 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которой нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом собственника, либо лицо, потерявшее ее, и возвратить найденную вещь этому лицу.

На первый неискушенный обывательский взгляд, сопоставив положения уголовного и гражданского законодательств, можно легко провести границу между кражей и присвоением находки: при краже лицо совершает действия по изъятию вещи у собственника, а во втором случае он сталкивается с фактом потери таковой вещи и не выполняет требования, регламентированные гражданским законодательством. Однако судебная практика демонстрирует обратную тенденцию и характеризуется противоречивыми подходами, в связи с чем суды достаточно часто квалифицируют присвоение найденной вещи как кражу, делая упор на обстоятельства конкретного дела, нежели опираются на признаки состава преступления, установленные уголовным законом. Теория уголовного права содержит свое видение рассматриваемой проблемы. Таким образом, сегодня отсутствует единый подход к ква-

лификации действий лица, которое присваивает найденное чужое имущество и обращает его в свою пользу.

Вопросы разграничения кражи и находки относятся к числу самых дискуссионных в современной отечественной уголовно-правовой доктрине [2]. К сожалению, судебная практика сегодня пошла по репрессивному пути и подменяет собой закон и теорию уголовного права. Таким образом, если нашедший чужую вещь не принял необходимых мер по розыску владельца и возврату вещи, суд квалифицирует деяние как кражу. Однако это является применением закона по аналогии, что противоречит ст. 3 УК РФ. Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на требование определенности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования, что приобретает особую значимость применительно к уголовному законодательству (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Признаки, определяющие кражу в частности и хищение в общем, являются достаточно стабильными и перекочевали в УК РФ из УК РСФСР 1960 года, а туда из предыдущих кодифицированных актов советской эпохи — уголовных кодексов РСФСР 1926 и 1922 годов. К признакам хищения относятся корыстная цель (точнее будет назвать корыстный мотив), противоправность, безвозмездность, совершение путем изъятия и (или) обращения, а также причинение реального материального ущерба. Некоторые признаки, разграничивающие кражу и находку, не вызывают споров, в частности, что предметом хищения не может являться брошенное имущество [3].

По мнению Е. В. Хромова, ключевым признаком, отличающим кражу от находки, является субъективное отношение лица к содеянному, то есть когда нашедший вещь осознает неизбежность восстановления собственником господства над ней при обычных условиях и желает причинения с корыстной целью имущественного ущерба собственнику или иному владельцу путем противоправного безвозмездного изъ-

ятия и обращения имущества в свою пользу или пользу иных лиц [4]. А. Ю. Сичкаренко полагает, что осознание лицом того обстоятельства, что вещь была не потеряна, а оставлена временно без присмотра, то ее последующее присвоение характеризует деяние как кражу [5]. Общим при краже и присвоении, безусловно, будет являться корысть — то есть желание нажиться посредством найденной вещи.

Утеря имущества представляет собой его выход из владения собственника, при этом нашедший это имущество не приобретает права на него и должен руководствоваться общими правилами обращения с находкой, определенными ГК РФ. Между тем, зачастую, нашедший чужую вещь не соблюдает эти правила, а оставляет вещь себе, обращая в свою пользу. Таким образом, возникает весьма насущный вопрос: является ли присвоение найденного чужого имущества, то есть, по сути, невыполнение предписаний гражданского законодательства, кражей? Противоположные по смыслу решения в этой связи принимает Верховный Суд Российской Федерации.

Так, Судебной коллегией Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) в кассационном порядке было рассмотрено дело Г., которая обвинялась в том, что в холле поликлиники взяла мобильный телефон, оставленный там владельцем, на входящие вызовы не отвечала, а затем заменила сим-карту и обратила телефон в свою пользу. Потерпевший указал, что телефон был им не утерян, а оставлен вместе с другими вещами в известном ему месте, однако, вернувшись, он обнаружил его отсутствие и принял меры к розыску, а затем обратился в полицию. Оставляя в силе приговор суда первой инстанции, которым Г. была осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Верховный Суд указал, что осужденная осознавала факт принадлежности телефона другому лицу и отсутствие на месте собственника. Место, где телефон был оставлен — государственное учреждение, телефон находился в рабочем состоянии и имел идентификационные признаки, а значит доводы осужденной о том, что в данном случае имела место быть находка, а не кража — несостоятельны [6].

Поводом к рассмотрению в другом случае явилось дело Ч., который, находясь в фойе поликлиники, увидел на подоконнике мобильный телефон, принадлежащий Ш. и, воспользовавшись тем, что его действия никто не видит, забрал его. Положив телефон в карман куртки, Ч. покинул поликлинику, телефон отключил, а впоследствии продал. Мценский районный суд Орловской области квалифицировал его действия по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев данное дело, обратил внимание на то, что вывод о виновности Ч. был сделан без учета того, что потерпевшая Ш. обнаружила отсутствие мобильного телефона только дома и, посчитав, что телефон был ею забыт или украден у нее, только вечером того же дня обратилась в поликлинику, которая в это время была уже закрыта, а спустя несколько дней – в органы полиции. Сотовый телефон находился на подоконнике в фойе поликлиники, являющейся местом посещения большого количества людей, активных действий по изъятию имущества из владения собственника Ч. не совершал, взял телефон с подоконника, когда тот уже выбыл из владения Ш. [7].

Таким образом, при весьма схожих обстоятельствах, высшая судебная инстанция выносит противоположные решения. Подобное происходит вследствие того, что легально закрепленные признаки хищения не позволяют однозначно идентифицировать действия по присвоению найденного как кражу, либо нарушение правил обращения с находкой, что по своей правовой природе является гражданско-правовым деликтом. Кроме того, оставленная вещь и потерянная вещь – понятия гиперсубъективные, и лицо, увидевшее чужую бесхозную вещь, не всегда, исходя из обстоятельств, может однозначно ответить, какие действия собственника – потеря или оставление, привели к тому, что чужое имущество находится отдельно от его владельца. Таким образом, отсутствие в законе четких критериев разграничения кражи и находки расширяет до неопределенных пределов границы правоприменения, когда судебское усмотрение может перерасти в произвольное толкование закона [8, 9].

Научная парадигма всегда исходит из того, что признаки определяют суть какого-либо явления или феномена, его субстанционное наполнение, следовательно, отсутствие конкретного признака исключает идентификацию данного объекта как такового. То есть, чтобы квалифицировать деяние как кражу, оно должно отвечать признакам кражи как форме хищения, о которых упоминается выше.

Между тем судебная практика применительно к этому содержит иногда спорные решения. Тимашевским районным судом Краснодарского края были осуждены два интернет-блогера, которые демонтировали дорожные знаки, установленные, по их мнению, неправильно. Таким образом, по мнению этих лиц, они исправляли ошибки, допущенные местной администрацией. Несмотря на отсутствие у виновных корыстной цели как составообразующего признака хищения, они были признаны виновными по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, хотя в их деянии скорее содержатся признаки самоуправства (ст. 330 УК РФ). В данном случае приписывание деянию квазипризнака в виде корыстной цели будет являться наглядной ошибкой квалификации [10].

Одним из признаков кражи как хищения чужого имущества является *изъятие* предмета преступления. Однако, когда лицо находит потерянную вещь, то изъятие непосредственно он не осуществляет (что было указано выше в решении Мценского районного суда), получается, что, квалифицируя деяние как кражу (при аналогичных обстоятельствах), правоприменитель тем самым признает, что кража совершается путем бездействия.

Другим признаком хищения, наряду с изъятием, выступает обращение чужого имущества в пользу виновного, в связи с чем возникает вопрос, может ли кража совершаться подобным способом. В уголовно-правовой доктрине термин «обращение» оценивается по-разному. Ряд авторов относит действия по *обращению* имущества к его присвоению, то есть совершению деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 160 УК РФ [11]. Другие под обращением понимают перемену пользователя имущества [12]. А. В. Макаров с соавторами полагают,

что ст. 158–161 УК РФ не содержат разделения на формы хищения в зависимости от способов изъятия или обращения, что позволяет квалифицировать деяние, совершенное путем обращения чужого имущества в пользу виновного, как кражу [13].

Таким образом, нам видится, что термин «обращение», как признак хищения, не всегда связывается с кражей имущества, что делает более уместным, как справедливо указывает В. В. Хилюта, употребление термина «завладение», поскольку это расширяет границы кражи, и позволяет распространить его на присвоение имущества, которое лицо непосредственно не изымало [14].

Следственно-судебным органам при оценке всех фактов, связанных с присвоением найденной вещи, следует руководствоваться логикой и здравым смыслом, а всем лицам – исходить из правила: чужое – не твое. Однажды афинский оратор Демосфен поймал вора. В оправдание вор сказал: «Я не знал, что это твое!» На что Демосфен ему ответил: «Но ты знал, что это не твое!» Кроме того, одним из ключевых моментов является место нахождения вещи. Изъятие ее из места жительства собственника однозначно указывает на кражу, чего нельзя констатировать в случае ее нахождения в общественном месте. Если автомобиль оставить открытым с ключом в замке зажигания, завладение им будет считаться уголовно наказуемым деянием, поскольку лицо понимает, что машина имеет собственника. Аналогичным образом квалифицируется кража скота с открытых пастбищ. Однако, встретив на улице животное, не всегда понятно, сбежало оно от хозяина или является бездомным, и если приютить его, то это может являться завладением чужой собственностью, поскольку в соответствии со ст. 137 ГК РФ животные являются имуществом. Деньги также обезличены, и, найдя сто долларовую купюру, проблематично установить факт ее принадлежности конкретному лицу, поэтому в бюро находок наличные деньги никто не отдает, а оставляет себе, особо не предаваясь мукам совести, в отличие от случаев, когда эти деньги не находятся в кошельке, который имеет признаки, позволяющие идентифицировать его владельца.

В одном из решений, признавая лицо виновным в совершении кражи, суд указал, что используя чужие именные банковские карты, виновный не мог не осознавать, что они принадлежат другому лицу [15]. Следует помнить о том, что находка находке рознь. Если телефон оставлен на столике в кафе, рядом с другими вещами, когда обстановка в целом дает понять, что владелец не забыл его, а временно оставил и отошел, чтобы вернуться, завладение вещью безусловно можно расценить как кражу. Однако выронить тот же телефон в парке во время прогулки или пробежки – уже совсем иное дело.

Кроме того, необходимо избежать возможного злоупотребления правом в случае потери вещи. Владельцу необходимо не забывать, что собственность – это не только право, но и бремя, у собственника есть обязанности по хранению вещи и знанию ее местонахождения. Если вещь действительно потеряна по невнимательности, а не оставлена, то ее владелец при установлении места нахождения вещи не должен обращаться в полицию с заявлением о ее краже (как поступают многие недобросовестные граждане), а действовать в соответствии с правилами виндикации, предусмотренными ст. 301 ГК РФ, согласно которой собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что на оценку правоприменителем действий лица по присвоению вещи влияет весь спектр связанных с этим обстоятельств, что может повлечь как уголовную, так и гражданско-правовую ответственность. Неопределенность разграничения кражи и находки стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Поводом к этому послужили две жалобы.

1. Г. в салоне автобуса увидела, как из сумки другой пассажирки выпал мобильный телефон, но не предприняла попытки к его возврату собственнице, не сообщила водителю автобуса или кондуктору и не обратилась в правоохранительные органы. Удостоверившись, что никто не видит ее действий, она завладела телефоном и скрылась. Г. не стала отвечать на поступающие на телефон звонки, отключила его, а сим-карту

выбросила, после чего сбросила заводские настройки телефона и хранила его дома. Приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан Г. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 158 УК РФ.

2. П., являясь водителем такси, увидел рядом с пассажирским сиденьем своего автомобиля мобильный телефон, принадлежащий ранее перевезенному им пассажиру. Воспользовавшись тем, что в автомобиле он был один, он тайно забрал себе телефон, при этом, не желая быть уличенным, вставил свою сим-карту и пользовался телефоном по своему назначению, попыток установить владельца не предпринимал, поначалу попытавшись скрыть от сотрудников полиции факт обладания телефоном. Приговором мирового судьи Железнодорожного судебного района города Ульяновска П. признан виновным в краже.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев обе жалобы, отметил, что Конституция Российской Федерации предоставляет законодателю широкую свободу усмотрения как в установлении оснований возникновения и прекращения права собственности, так и в особенностях применения мер ответственности за его нарушение, при этом обязывая его руководствоваться требованиями соразмерности ответственности общественной опасности преступления, а также соблюдением принципа правовой определенности. Сами действия по установлению физического владения потерянной вещью не являются противоправным, а невыполнение обязанностей, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, еще не образует преступления. Однако, если лицо совершает сокрытие найденной вещи, либо уничтожает признаки, позволяющие ее индивидуализировать или подтвердить принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т. д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, то есть о выходе за частноправовые пределы, очерченные ст. 227 ГК РФ, возрастании общественной опасности, а потому деяние, начавшееся как правомерная находка, может обрести составообразующими признаками и пе-

рерасти в преступление. При этом хищение может осуществляться не только путем изъятия чужого имущества, но и его обращения в пользу виновного лица.

Конституционный Суд отметил, что привлечение к уголовной ответственности лица, нашедшего вещь, лишь только за то, что оно не выполнило действий, предписанных ст. 227 ГК РФ, нарушало бы статьи ч. 1 ст. и ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации, а также было бы выходом за пределы принципа соразмерности ответственности общественной опасности преступления. При этом ч. 1 и п. 1 примечаний к статье 158 УК РФ, а также статья 227 ГК РФ позволяют отграничить правомерное поведение от уголовно противоправного, а преступления – от иных правонарушений. Объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества образует единое сложное деяние, состоящее из завладения обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее последующим активным сокрытием или иными действиями, для тайного обращения ее в свою пользу, чем причиняется ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества. Однако само по себе невыполнение лицом действий, предусмотренных п. 1 и 2 ст. 227 ГК РФ, если в них не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу.

В итоге Конституционный Суд Российской Федерации указал, что истолкование, данное в Постановлении, не исключает права федерального законодателя конкретизировать составы преступлений, предметом которых выступают потерянные вещи, а также установить ответственность за невыполнение нашедшим вещь требований ст. 227 ГК РФ при отсутствии в таком деянии признаков кражи [16].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации к составообразующему признаку кражи отнес не только изъятие, но и обращение чужого имущества в пользу нашедшего, что, как было отмечено выше, не всегда поддерживается научной доктриной и разъяснениями ВС РФ. Видимо неслучайно поэтому Конституционный Суд в резолютивной части постановления допустил возможность корректировки федеральным законодателем положе-

ний уголовного закона в целях единообразия судебной практики.

Следует также отметить, что политика гуманизации и либерализации, затронувшая в последнее время все сферы социального устройства, характеризуется тем, что многие уголовные дела, формально содержащие признаки состава преступления, прекращаются по мало-значительности. Вот несколько примеров подобного рода. Т. и Ш., воспользовавшись утерянной банковской карточкой, оплатили приобретенные ими товары, причинив потерпевшему материальный ущерб в сумме 294 рубля 40 копеек. Суд отметил, что их действия формально и содержат признаки преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, но в силу мало-значительности общественной опасности не представляют [17]. М., незаконно проникнув в жилище, совершил тайное хищение электрического водонагревателя стоимостью 1499 рублей и водяного печного бака стоимостью 1868 рублей. Суд, указав, что закон не содержит прямого запрета на прекращение уголовного дела ввиду мало-значительности преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ, с учетом установленных обстоятельств, согласился с прекращением уголовного дела, поскольку преступление не представляет общественной опасности [18]. Таким образом, хотя ч. 3 ст. 158 относится к тяжким преступлениям, суд признал отсутствие вредоносности для общественных отношений как самого деяния, так и лиц, их совершивших. Суды находят основания для прекращения уголовных дел по мало-значительности даже при совершении грабежа по ч. 1 ст. 161 УК РФ [19].

Таким образом, преступления, которые официально признаются кражами, и даже грабежами, могут прекращаться по мало-значительности, а при спорных моментах квалификации действий, балансирующих на грани между преступлением и гражданским деликтом, чаша весов правоприменителя склоняется в сторону

уголовно наказуемого деяния, хотя, в силу ч. 3 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, все неустранимые сомнения, в том числе характер участия в совершении преступления, толкуются в пользу обвиняемого (п. 17 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре»).

Кроме того общественная опасность вора и присвоителя разная, поэтому нельзя уравнивать находку (присвоение) и кражу. К слову, советское уголовное законодательство смотрело на это с другой позиции. Ст. 148.4 УК РСФСР 1960 года устанавливала ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику, а ст. 168 УК РСФСР 1926 года за присвоение находки предусматривала уголовную ответственность до месяца лишения свободы. Думается, заслуживает внимания возможность восстановления данной нормы в действующем уголовном законе.

Итоги проведенного исследования позволяют констатировать, что в доктрине уголовного права и практике применения уголовного закона на сегодняшний день отсутствует единый подход к разграничению кражи и присвоения найденного имущества. Для устранения этой неопределенности необходимо:

1. Конкретизировать составы преступлений, предметом которых выступают потерянные вещи, путем изменения признака хищения, указанного в примечании 1 к ст. 159 УК РФ с «обращение» на «завладение»;

2. Установить привилегированную (по отношению к ст. 158 УК РФ) уголовную ответственность за невыполнение нашедшим вещь требований ст. 227 ГК РФ при отсутствии в таком деянии признаков кражи.

Указанные меры будут соответствовать требованиям законности, целесообразности и справедливости.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 24.06.2023).

2. Багаутдинов, Ф. Н., Валиуллин, Л. Ф. Кража или находка – проблемы разграничения // Законность: науч. журн. 2017. № 6. С. 46–47. ISSN 0869-4486 (print). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30268178> (дата обращения: 20.06.2023).
3. Хилjuta, В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право: науч. журн. 2010. № 1. С. 45–48. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48084-prisvoenie-poteryannykh-zabytykh-veshhej> (дата обращения: 18.06.2023). Доступна на сайте wiselawyer.ru.
4. Хромов, Е. В. Вина и статус найденной вещи как главные критерии разграничения кражи и находки // Уголовное право: науч. журн. 2019. № 2. С. 86–95. ISSN 2071-5870. Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38563293> (дата обращения: 10.06.2023). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка.
5. Сичкаренко, А. Ю. Отграничение присвоения найденного от хищения // Российский следователь: науч. журн. 2018. № 11. С. 53–58. ISSN 1812-3783 (print). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36323988> (дата обращения: 15.06.2023).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 75-УД17-2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042017-n-75-ud17-2/> (дата обращения: 24.06.2023).
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 г. № 37-УД17-1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032017-n-37-ud17-1/> (дата обращения: 25.06.2023).
8. Чукин, Д. С., Фартуков Д. Н. Толкование уголовного закона и судебское усмотрение: соотношение понятий // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии: науч. журн. 2021. № 1(5). С. 108–113. Электрон. версия. URL: [http://svkinio.ru/2021/1\(5\)/Chukin_Fartukov.pdf](http://svkinio.ru/2021/1(5)/Chukin_Fartukov.pdf) (дата обращения: 12.06.2023).
9. Чукин, Д. С. Судейское усмотрение как способ преодоления неопределенности в праве // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: науч. журн. 2022. Т. 6. № 5(92). С. 99-103. ISSN 2712-8911 (online). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49824914> (дата обращения: 24.06.2023).
10. Кленова, Т. В. Принципы квалификации преступлений против ее обесмысливания // Российский следователь: науч. журн. 2022. № 5. С. 55–58. ISSN 1812-3783 (print). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48497058> (дата обращения: 24.06.2023).
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: [в 4 т.]. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / В. М. Лебедев [и др.]. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 371 с. // Образовательная платформа Юрайт: сайт. URL: <https://urait.ru/bcode/512837> (дата обращения 24.06.2023).
12. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Юридическая фирма Контракт, 2017. 382 с. URL: <https://lib.agu.site/books/777/1452/> (дата обращения: 24.06.2023). Доступна на сайте lib.agu.site: элект. б-ка Абхаз. гос. ун-та.
13. К вопросу о разграничении кражи и присвоения найденного / А. В. Макаров [и др.] // Российский следователь: науч. журн. 2021. № 7. С. 41–46. ISSN 1812-3783 (print). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46289962> (дата обращения: 22.06.2023).
14. Хилjuta, В. В. Кража и присвоение найденного: так ли важен способ совершения преступления? // Уголовное право: науч. журн. 2018. № 4. С. 101–108. Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38203573> (дата обращения: 18.06.2023). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка.
15. Апелляционное определение Самарского областного суда от 23 сентября 2021 г. № 22-5361/2021 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=445256&dst=100001#dcZvFoTQbacjQhDu> (дата обращения: 25.06.2023).

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 24.05.2023).

17. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29 июля 2019 г. по делу № 22-5427/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/glKH3tormpd3/> (дата обращения: 02.06.2023).

18. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 13 февраля 2019 г. по делу № 22-226/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qofp3NEMqrn/> (дата обращения 22.06.2023).

19. Чукин, Д. С. Малозначительность деяния в ракурсе судебского усмотрения // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии: науч. журн. 2022. № 4(9). С. 113–119. Электрон. версия. URL: [http://svkinio.ru/2022/4\(9\)/Chukin.pdf](http://svkinio.ru/2022/4(9)/Chukin.pdf) (дата обращения: 12.06.2023).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2022. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

2. Bagautdinov FN, Valiullin LF. Theft or discovery – problems of differentiation. *Zakonnost'*. 2017; (6):46-47. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30268178> [Accessed 20 June 2023]. (In Russ.).

3. Khilyuta V. Appropriation of lost and forgotten things. *Ugolovnoe parvo*. 2010;(1):45-48. Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/48084-prisvoenie-poteryannykh-zabytykh-veshhej> [Accessed 18 June 2023]. (In Russ.).

4. Khromov EV. Guilt and the status of the found thing as the main criteria for distinguishing theft and discovery. *Ugolovnoe parvo*. 2019;(2):86-95. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38563293> [Accessed 10 June 2023]. (In Russ.).

5. Sichkarenko AYu. Delineation of the appropriation of the found from theft. *Rossiyskiy sledovatel'*. 2018;(11):53-58. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36323988> [Accessed 15 June 2023]. (In Russ.).

6. Cassation Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation from April 19, 2017. No. 75-UD17-2. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. Available from: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042017-n-75-ud17-2/> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

7. Cassation Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation from March 29, 2017. No. 37-UD17-1. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii*. Available from: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032017-n-37-ud17-1/> [Accessed 25 June 2023]. (In Russ.).

8. Chukin DS, Fartukov DN. Interpretation of the criminal law and judicial discretion: the relationship of concepts. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2021; (1):108-113. Available from: [http://svkinio.ru/2021/1\(5\)/Chukin_Fartukov.pdf](http://svkinio.ru/2021/1(5)/Chukin_Fartukov.pdf) [Accessed 12 June 2023]. (In Russ.).

9. Chukin DS. Judicial discretion as a way to overcome uncertainty in law. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 2022;6(S):99-103. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49824914> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

10. Klenova TV. Principles of qualification of crimes against its meaninglessness. *Rossiyskiy sledovatel'*. 2022;(5):55-58. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48497058> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

11. Lebedev VM, Galakhova AV, Doroshkov VV, et al. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Tom 2. Osobennaya chast'. Razdely VII-VIII = Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Volume 2. The special part. Sections VII-VIII. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt; 2023. *Obrazovatel'naya platforma Yurayt*. Available from: <https://urait.ru/bcode/512837> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

12. Gracheva YuV, Chuchaev AI. (ed.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti = Criminal law of Russia. General and Special parts*. Moscow: Yuridicheskaya firma Kontrakt; 2017. Available from: <https://lib.agu.site/books/777/1452/> [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

13. Makarov AV, Stramilova TP, Kupriyanova AV, Fedurina YuO. To the question of the distinction between theft and appropriation of the found. *Rossiyskiy sledovatel'*. 2021;(7):41-48. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46289962> [Accessed 22 June 2023]. (In Russ.).

14. Khilyuta V. Theft and misappropriation of what was found: is the method of committing a crime so important? *Ugolovnoe parvo*. 2018;(4):101-108. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38203573> [Accessed 18 June 2023]. (In Russ.).

15. Appeal ruling of the Samara Regional Court of September 23, 2021 No. 22-5361/2021. *Konsul'tantPlyus*. Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=445256&dst=100001#dcZvFoTQbacjQhDy> [Accessed 25 June 2023]. (In Russ.).

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from January 12, 2023. No. 2-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Article 227 of the Civil Code of the Russian Federation, Part One and Paragraph 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, Articles 75, 87 and 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens A.V. Galimyanova and V.S. Puzryakov". *Konsul'tantPlyus*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ [Accessed 24 June 2023]. (In Russ.).

17. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court from July 29, 2019 in case No. 22-5427/2019. *Sudebnye i normativnye akty RF*. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/gIKH3tormpd3/> [Accessed 2 June 2023]. (In Russ.).

18. Appeal ruling of the Ulyanovsk Regional Court from February 13, 2019 in case No. 22-2 A Linear combination 2019. *Sudebnye i normativnye akty RF*. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Qofpi3NEMqrn/> [Accessed 22 June 2023]. (In Russ.).

19. Chukin DS. The insignificance of the act in the perspective of judicial discretion. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2022;(4):113-119. Available from: [http://svkinio.ru/2022/4\(9\)/Chukin.pdf](http://svkinio.ru/2022/4(9)/Chukin.pdf) [Accessed 12 June 2023]. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.